

The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

National Research University
«Higher School of Economics»

VERBS OF ANIMAL SOUNDS:
typology
of metaphorical extensions

Languages of Slavic Culture
Moscow
2015

Институт языкознания Российской академии наук
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

ГЛАГОЛЫ ЗВУКОВ ЖИВОТНЫХ: типология метафор

Языки славянской культуры
Москва
2015

Оглавление

Введение

1. *Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова, Б. В. Орехов*
И хрюкотали зельюки:
предварительные замечания о глаголах звуков животных и их семантике9

Индоевропейские языки

2. *А. С. Выренкова*
Звуки животных в английском языке.....37
3. *Т. И. Резникова*
О кукарекающем ребенке и мурлычущем холодильнике:
глаголы со значением звуков животных
и их семантические переносы в немецком языке.....54
4. *Е. С. Лучина, С. М. Баранова*
Глаголы звуков животных в идише.....88
5. *Е. А. Кузьменко*
Метафоры звуков животных в норвежском языке.....97
6. *Г. Обери, Е. А. Парина*
Глаголы, обозначающие звуки животных в валлийском языке.....107
7. *Е. А. Кузьменко*
Глаголы звуков животных в греческом языке120
8. *А. О. Максимова*
Армянские глаголы звуков животных.....131
9. *Е. В. Бессонова, Д. А. Рыжова*
Звуки животных в хинди.....144

Финно-угорские языки

10. *Е. В. Кашкин*
Глаголы звуков животных в мордовских языках163
11. *А. Никулласси, Е. Протасова*
Финские глаголы, описывающие издаваемые животными звуки178

Тюркские и монгольские языки

12. *Э. Г. Мустакимова, Б. В. Орехов*
Глаголы звуков животных в башкирском и татарском языках 199
13. *А. Э. Комарова*
Звуки животных в калмыцком языке 218

Языки Северного Кавказа

14. *М. В. Кюсева, Д. А. Рыжова*
Глаголы звуков животных в бжедугском диалекте адыгейского языка 235
15. *С. Р. Мерданова, Т. И. Резникова*
Звуки животных и их переинтерпретация в агульском языке 247

Языки Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии

16. *А. С. Панина*
Выражение звуков животных в японском языке 263
17. *Е. Л. Рудницкая, С. Хван*
Общая характеристика лексического поля звуков животных
в корейском языке 282
18. *Л. С. Холкина*
Особенности лексической системы звуков животных
в современном китайском языке 297
19. *Э. Г. Мустакимова*
Глаголы звуков животных в индонезийском языке 310

Заключение

20. *М. В. Кюсева, Е. В. Рахилина, Д. А. Рыжова*
Глаголы звучания как материал к теории семантических моделей 327

Приложение

21. *И. Кор Шаин, М. В. Кюсева*
Некоторые замечания о глаголах звуков животных в славянских языках 349
22. *Е. В. Кашкин, Т. И. Резникова, Е. К. Павлова, Е. С. Лучина*
От трелей соловья — к шелесту, скрипу и грохотанию 362
- Список литературы 381
- Сведения об авторах 389
- Указатель животных 391

Глава 1. *И хрюкотали зелюки:* предварительные замечания о глаголах звуков животных и их семантике

1. История книги

Эта книга имеет свою историю. В настоящем виде она является результатом коллективной годовой работы Научно-учебной группы Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в составе четырех преподавателей направления Фундаментальной и прикладной лингвистики Факультета гуманитарных наук: Т. И. Резниковой (руководитель группы), А. С. Выренковой, Б. В. Орехова и Е. В. Рахилиной, двух студентов магистратуры, а затем аспирантов М. Кюсевой и Д. Рыжовой и трех студентов третьего курса Е. Кузьменко, А. Максимовой и Э. Мустакимовой. Однако лингвистическая проблема, которую решал этот проект, — изучение глаголов, описывающих звуки животных — была сформулирована гораздо раньше и обсуждалась в самых разных вариантах (см. Рахилина 2010) и самых разных аудиториях. Сначала — на летней лингвистической школе в Дубне, которая проводится ежегодно для старших школьников, потом на студенческом спецкурсе по лексической типологии Отделения теоретической и прикладной лингвистики МГУ и научно-исследовательском семинаре НИУ ВШЭ, а также на воркшопе по лексической типологии в Стокгольме, где собрались участники большого международного проекта по описанию типологии температурных признаков. Всем участникам этих обсуждений мы очень благодарны за плодотворные дискуссии: оказалось, что поставленная задача интересна не только школьникам, но и профессиональным лингвистам. Поэтому осенью 2011 года совместно с французскими коллегами в университете Экс-ан-Прованса была организована международная конференция, которая рассматривала эту проблематику комплексно — и сквозь призму литературы и фольклора, и в отношении истории языка, но — среди прочего — и в лексико-типологическом освещении¹. По результатам той конференции в скором времени должен выйти сборник трудов университета Экс-ан-Прованс, где также с разных точек зрения будет обсуждаться языковая, исторический и социокультурный материал нескольких языков.

Между тем, осталась нерешенной задача создания единой и представительной базы данных, которая бы давала ответ на вопрос о возможности типологии глаголов,

¹ Сотрудничество с французской стороной было позже продолжено в рамках двусторонних отношений университета Ниццы Антиполис и НИУ ВШЭ.

обозначающих звуки животных: какого рода животные отражаются в звуковых глаголах и воспроизводятся ли семантические переходы от звуков животных к человеческому поведению (а также к звукам неодушевленных объектов) в языках мира. Речь идет о степени системности сдвигов значения типа ‘реветь’ (о льве или медведе) → ‘плакать’ (о ребенке); ‘ржать’ (о лошади) → ‘смеяться’, ‘выть’ (о волке или собаке) → ‘издавать звук’ (о сирене) и др. Тогда мы задумали описание этой семантической зоны по единому принципу, и настоящая (уже сугубо лингвистическая) коллективная монография воплощает эту идею более чем для 20 языков.

2. О звуках животных: некоторые особенности данного исследования

Надо сказать, что звукоизобразительной лексикой, особенно лексикой, передающей звуки животных, занимались многие. На сегодняшний день можно найти десятки и даже сотни сайтов, которые предлагают «перевод» идеофонов, соответствующих разным животным и птицам, с языка на язык (ср., напр., <http://www.eleceng.adelaide.edu.au/Personal/dabbott/animal.html>, <http://www.boredpanda.com/animal-sounds-different-languages-james-charman/>); эта тематика хорошо известна и чрезвычайно популярна в разного рода академических исследованиях, вплоть до диссертационных (Воронин 1982, Вельди 1988, Шляхова 2003, Петухова 2007, Вашквичус 2011 и мн. др.). Заметим, однако, что речь в них идет именно о звуковой составляющей, т. е. о том, как «голоса» животных (мычание, кукареканье, рычание и проч.) воспроизводятся лингвистическими средствами, превращаясь в идеофоны (ср. русск. *му-у*, *кукареку* и др.). Традиция состоит в описании моделей звукоизображения, принятых в разных естественных языках — в первую очередь с фонетической точки зрения.

Наш проект совершенно другого рода: он посвящен не звукоизобразительным словам, а предикатам, и изучаем мы прежде всего их значение, а не форму. Подобные предикаты иногда производны от идеофонов, но их внутренняя форма занимать нас не будет. Основой для сравнения структуры изучаемого поля в разных языках — или, иначе говоря, для построения его лексической типологии — будет семантика.

Существенно и то, что исследуемые нами глаголы могут быть не связаны со звукоподражанием напрямую. Ср., с одной стороны, русские *р-р-р*, *ш-ш-ш* или *му-у-у* и соответствующие им глаголы *рычать*, *шипеть* и *мычать*, с другой — совсем не коррелирующие фонетически *гав-гав* и *лаять* или *иг-го-го* и *ржать* и, наконец, глаголы, которые, как кажется, не имеют никакого звукоизобразительного аналога, как *щебетать* или *реветь*. Этот лексический материал, как правило, менее интересен с фонетической точки зрения: акустически он дальше от того звукового сигнала, который непосредственно воспринимается человеком. С этой точки зрения он меньше поражает воображение и меньше притягивает к себе внимание исследователей, потому что здесь едва ли можно ожидать внешнего межъязыкового сходства: глаголы в разных языках, собственно, и должны быть разными.

Тем не менее, их можно сравнивать, и у нас есть опыт такого рода работы — это проекты по лексической типологии, которые ведутся Московской лексико-типологической

предварительные замечания о глаголах звуков животных и их семантике

группой (MLexT) с начала 2000-х гг. (подробнее о них см. на сайте lextur.org, см. также в обзорных статьях Рахилина, Плуноян 2007, Кортъевскаја-Тамм 2008, Рахилина, Резникова 2013). Особенностью предлагаемого нами подхода к типологическому исследованию лексики является анализ языкового контекста. Этим он отличается от двух других известных направлений в лексической типологии — экспериментального, представленного прежде всего в работах психолингвистической группы института им. Макса Планка в Неймегене, и подхода Анны Вежбицкой и Клиффа Годдарда, опирающегося на универсальный естественный семантический метаязык NSM (Natural Semantic Metalanguage). Для получения языковых данных мы используем анкеты, для создания которых мы привлекаем не зрительные, звуковые или иные стимулы, как это делают психолингвисты, и не общие толкования, как сторонники NSM, а словари и корпуса. На основе корпусного исследования сочетаемости интересующей нас лексики, с учетом статистики употреблений тех или иных лексических комбинаций, мы выделяем множество типичных для данного поля ситуаций, а затем изучаем и сопоставляем способы их вербализации в различных языках.

3. Глаголы звука в контексте других типологических проектов MLexT

Итак, в наших проектах сравнение лексики опирается на прототипические ситуации, релевантные для многих языков. Мы называем их *фреймами*, но — в отличие от традиционного представления о фреймах как своего рода «пустых» пропозициональных формах — имеем в виду при этом еще и типичные способы заполнения важнейших переменных такой формы представителями определенных семантических классов объектов (подробнее о теории фреймов в применении к лексической типологии см. Рахилина, Резникова 2013). Заданный фрейм может выражаться в том или ином языке отдельной лексемой или же лексически совмещаться с другими, при этом в разных языках способы комбинации фреймов различаются. Задача типологического описания при этом подходе состоит в том, чтобы понять, чем мотивированы те или иные лексические комбинации и противопоставления, какие стратегии объединения вообще возможны, какие — часто встречаются в естественных языках, а какие, наоборот, маловероятны.

Такое исследование предполагает анализ большого объема языковых данных и тем самым достаточно трудоемко. Тем не менее, усилиями MLexT несколько семантических зон уже имеют свое типологическое описание, пусть и на небольших, по меркам грамматистов, выборках языков, а именно: зона плавания (см. Майсак, Рахилина (ред. 2007), качания (Рахилина, Прокофьева 2005, Шапиро 2015), вращения (Круглякова 2010), а также несколько десятков качественных признаков, таких как ‘острый’ и ‘тупой’ (Кюсева 2012), ‘полный’ и ‘пустой’ (Тагабилева 2011), ‘мягкий’ — ‘жесткий’ — ‘твердый’ (Павлова 2014), ‘ровный’ — ‘гладкий’ — ‘грубый’ — ‘шершавый’ (Кашкин 2013, Виноградова 2013) и др.

Анализ этих зон показал, что для одноместных предикатов, к которым, в частности, относятся глаголы движения и признаковая лексика, лексические противопоставления определяются прежде всего типом субъекта. Так, в зоне плавания разными лексемами

могут описываться активные субъекты (прежде всего люди), суда, пассивные субъекты, движущиеся по течению (как, например, сплавляемый вниз по реке лес), и малоподвижные субъекты, находящиеся на поверхности (щепки, лист дерева, попавшая в воду шляпа и проч.); подробнее см. Майсак, Рахилина 2007: 30 и след. Показательна в этом отношении система английского языка, которую можно (несколько упрощенно) представить как отражающую все эти противопоставления с помощью четырех глаголов: *swim, sail, drift* и *float*.

Для зоны качания важны топологические свойства субъекта, т. е. его прототипическая форма и ориентация в пространстве: закреплен ли субъект снизу, как дерево или забор, либо подвешен, как маятник или детская колыбель; представляет ли он собой мягкую, лабильную, не имеющую своей формы, или жесткую вертикальную поверхность, ср. занавеска, пламя свечи или стенка. Существен для зоны качания и функциональный потенциал субъекта: является ли качание нарушением обычного для субъекта фиксированного положения в пространстве и свидетельством потери функциональности (ср. шатающийся зуб или качающийся стул) или это предмет, который предназначен для колебательного движения (ср. кресло-качалка).

Некоторые из этих противопоставлений отражаются в русской системе глаголов качания, где сосуществуют и конкурируют такие глаголы, как *качаться* (общий глагол качания, плохо применим к мягким поверхностям разного рода), *шататься* (об объектах с нарушенной функциональностью, закрепленных снизу), *колыхаться* (о мягких поверхностях) и др.

В зоне вращения релевантны другие типичные ситуации, или фреймы: так, однонаправленное вращение вокруг своей оси, регулярное и механическое, как вращение планет (ср. русск. *вращаться*), может лексикализироваться иначе, чем быстрое (ср. *крутиться*), и иначе, чем плохо контролируемые повороты в разные стороны (*вертеться на стуле*). Отдельными лексемами часто выражается движение вокруг внешней оси — например, над ориентиром (*орел кружит*) или поступательное движение, совмещенное с вращением (ср. *листья кружатся в воздухе*).

Все обсуждавшиеся до сих пор примеры касаются противопоставлений, которые затрагивают лексемы в их прямых значениях. Но обычно в рамках проектов MLexT объектом изучения становятся не только прямые, но и переносные употребления слов. Задача здесь состоит в том, чтобы понять, в каких других семантических полях могут фигурировать лексемы рассматриваемой зоны и как они при этом меняют свой смысл. Для исследуемой нами лексики такая постановка задачи совершенно естественна. Действительно, мы выбираем для анализа слова, описывающие общезначимый для носителей разных культур и языков физический мир, поскольку такой выбор обеспечивает базу для широкого типологического сопоставления. Между тем, хорошо известно, что частотная лексика, характеризующая физический мир (движение, пространственные характеристики, физические качества и свойства и под.), используется языками как средство лексико-семантического описания абстрактных, невидимых и не воспринимаемых через другие перцептивные каналы (т. е. на слух, вкус, запах или тактильно) понятий и категорий. К ним относятся, например, эмоции, время, оценка, интенсификация и др., и наш материал, изобилующий примерами переносов в эти абстрактные зоны, лишний раз подтверждает известную закономерность.

предварительные замечания о глаголах звуков животных и их семантике

Однако вопрос о том, есть ли система в этих переносах и в какой степени можно признавать их типологическую релевантность, в лингвистике до сих пор не решен, потому что для его решения еще не накоплено и не обработано достаточного количества языкового материала. Наши частные наблюдения направлены на то, чтобы сформулировать гипотезу — пока они показывают, что семантические сдвиги действительно до определенной степени воспроизводятся в разных языках и, главное, управляются общими когнитивными лингвистическими механизмами.

Особый интерес в этом отношении представляют семантические зоны, которые практически целиком заполняются за счет лексических заимствований из других полей, путем метафоризации исходных лексем. Это зоны достаточно абстрактной семантики, и хотя большинство проектов MLexT ориентировано на конкретную лексику, тем не менее у нас есть опыт описания и такой высокометафоричной — но вместе с тем тоже универсальной для разных культур — области. Речь идет об исследовании предикатов боли (см. подробнее Брицын и др. (ред.) 2009). Как правило, собственно болевых предикатов в языках единицы — от одного (ср. русское *болеть*) до трех-четырех (ср. англ. *to hurt, to ache, to pain*). Эти предикаты имеют самую общую семантику и не обеспечивают противопоставлений, необходимых для структурирования поля. Они не описывают ни причину боли, ни ее интенсивность, ни характер (пульсирующая боль, длительная или резкая, сильная или слабая и под.), ни область человеческого тела, которая затронута болью. Все эти смыслы лексикализуются с помощью глаголов, для которых семантика боли является производной. Примечательно, что разные языки заимствуют такие вторичные болевые предикаты из одних и тех же зон: это глаголы разрушения (ср. русск. *колет, режет*), движения и каузации движения (*крутит*), горения (*жжет, горит*) и, кстати, звука (*гудит, звенит*). В метафорическом значении каждый из этих предикатов описывает частный тип болевой ситуации, определенный в отношении сразу нескольких признаков — части тела, затронутой болью, причины этой боли и ее характера. Так, например, русское *стреляет* описывает преимущественно боль в ухе, пульсирующую, средней степени интенсивности; в случае *ныть* это длительная боль, как в суставах при ревматизме или в ногах от долгой ходьбы; для *щипать* — особого рода неприятные ощущения на поверхности кожи или слизистой.

При переходе в другую семантическую область предикаты меняют не только семантику, но и морфологию и синтаксис, уподобляя свои свойства новым квазисинонимам (ср.: исходная агентивная переходная конструкция *резать*, как у глагола разрушения, ср. *он резал хлеб перочинным ножом* VS. результирующая болевая безличная и безобъектная конструкция *у него режет где-то в правом боку* — по аналогии с *у него болит где-то в правом боку*). Этот процесс в типологической перспективе подробно описан нами в Рахилина и др. 2010а, а также в Reznikova et al. 2012. Он очень интересен с теоретической точки зрения, наглядно демонстрируя единство и слаженное взаимодействие разных уровней языка, а также их безусловную мотивированность лексическим значением: именно мена лексической семантики обуславливает грамматическую перестройку слова.

В целом, поле глаголов звучания похоже на поле боли: лингвистически оно тоже привлекательно именно своими семантическими переходами. Различие в том, что боль представляет собой так называемую реципиентную зону, т. е. зону результата метафоры,

тогда как поле глаголов звука, и в частности звуков животных, является активным донором — в том числе, как мы только что видели, и для болевых значений, но и для многих других, связанных, в первую очередь, с поведением человека. Действительно, человеческое поведение выходит за рамки физических ситуаций, в том смысле, что является результатом интерпретации — и поэтому оказывается благодатной зоной для сравнения и отождествления, в частности, со звуковым поведением животных.

В этой книге для каждого языка нашей выборки мы рассматриваем глаголы, обозначающие звуки животных, и выявляем возможности их переинтерпретации для описания человеческого поведения. Общая задача состоит в том, чтобы сформулировать предварительные гипотезы для построения типологии семантических переходов между этими зонами. Отметим, что кроме ситуаций, связанных с человеком, переносные употребления данных глаголов могут относиться еще и к «звуковому поведению» артефактов и природных объектов. Случаи такого рода мы тоже будем иногда обсуждать.

Всего в монографии собраны подробные данные более чем по 20 языкам — все они подверглись тщательному анализу, включающему, среди прочего, обязательную проверку предварительных корпусных (в случае их доступности) и/или словарных материалов с помощью опросов носителей языка: это индоевропейские языки (английский, немецкий, норвежский, идиш, валлийский, греческий, армянский, хинди, бенгали), тюркские (башкирский, татарский), монгольский (калмыцкий), финно-угорские (эзьянский, мокшанский, финский), языки Северного Кавказа (адыгейский, агульский), Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (японский, китайский, корейский, индонезийский). В книге также имеется небольшая глава, содержащая заметки о сопоставительной этимологии славянских звуковых глаголов. Рассматриваются представители каждой ветви: сербский (южнославянский), польский (западнославянский) и русский (восточнославянский). Синхронное исследование русского материала в типологическом аспекте (Рахилина 2010) легло в основу этой монографии, но его результаты здесь отдельно не описываются. Принцип отбора языков, конечно, состоял в том, чтобы материал получился как можно более разнообразным. Тем не менее, как и в других наших работах, мы не исключали родственных языков, считая, что для лексической типологии ограничения на генетическую близость не так существенны, как, например, для типологии фонетической (подробнее об этом см. Рахилина, Резникова 2013: 8, а также Главу 12 настоящей монографии). В основном (как видно из оглавления) языковой материал был собран участниками Научно-учебной группы, однако нам удалось привлечь к нашей работе и нескольких экспертов по крупным языкам мира — прежде всего, китайскому (Л. С. Холкину, РГГУ и РАНХиГС), корейскому (Е. Л. Рудницкую, ИВ РАН), японскому (А. С. Панину, ИВ РАН), хинди (Е. В. Бессонову, Институт стран Азии и Африки, МГУ им. М. В. Ломоносова), а также финскому (А. Никунласси, Е. Протасову, университет Хельсинки), но кроме того, и некоторым более редким — идишу (Е. С. Лучину, НИУ ВШЭ), валлийскому (Е. А. Парину, ИЯ РАН), мордовским (Е. В. Кашкина, ИРЯ РАН), калмыцкому (А. Э. Комарову, РГГУ) и агульскому (С. Р. Мерданову, ИЯ РАН). Без их неоценимой помощи в столь короткий срок, заданный проектом, обработать сложные и объемные данные этих языков мы, безусловно, не смогли бы.

предварительные замечания о глаголах звуков животных и их семантике

В последующих разделах Введения мы обсудим некоторые типологические наблюдения, которые основаны на всей совокупности исследованных данных, а затем — в основной части книги — будут представлены подробные описания конкретных языковых систем.

В силу лингвистических особенностей глаголов, обозначающих звуки животных, — а именно, регулярности их метафоризации — типология этой зоны должна учитывать, во-первых, лексическое устройство собственно зоны-источника, во-вторых, семантику переносных употреблений. Начнем с прямых значений, и в разделе 4 обсудим факторы, которые, по нашему мнению, существенны для типологии языковых систем:

- возможные классификации субъектов-животных, с учетом их нестандартных объединений;
- антропоцентричность системы;
- степень доминантности системы.

4. К типологии исходных значений

4.1. Типы субъектов-животных

Как мы помним, структуру поля, которая описывается одноместными предикатами, определяют релевантные для них классы субъектов. В нашем случае набор субъектов ограничен и достаточно однороден: это животные, насекомые и птицы. Представительный список их разных видов (всего свыше 80) послужил входом в анкету, которая использовалась для сбора материала по разным языкам.

Естественно, что языки не обозначают звук каждого из этих 80 живых существ отдельным глаголом. Во-первых, многие животные «соединяются» в одном звуковом глаголе с другими. Во-вторых, звуки некоторых животных вообще не лексикализуются. И хотя частные стратегии объединения и лексикализации варьируются от языка к языку, тем не менее за ними стоят общие и хорошо объяснимые закономерности.

Так, совмещение животных в одном глаголе может обуславливаться двумя причинами: акустическим сходством издаваемых звуков и / или сходством самих животных. Звуковой близостью объясняется объединение утки и лягушки, наблюдаемое во многих языках (татарском, адыгейском, индонезийском и др.), ср. также общий глагол для вороны и лягушки в валлийском (заметим, что и в русском, где звуки утки, вороны и лягушки лексически противопоставляются, соответствующие глаголы — *крякать*, *каркать* и *квакать* — тоже фонетически похожи). Другой пример такого рода — отождествление звуков змеи и агрессивных реакций некоторых крупных птиц (лебедей, гусей), ср. русск. *шипеть*, а также общие глаголы для змей и птиц в сербском (*сиктати*), немецком (*zischen*), татарском (*ысылдау*) и др. Более экзотический пример объединения представлен в калмыцком, где одним глаголом (*мәәлх*) описывается бляенье козы или овцы и мяуканье кошки.

Биологическое сходство субъектов (а не только акустическая близость звука) определяет совмещения таких животных, как лев и тигр (ср. русск. *рычать*, греческ.

βρουχάται, индонез. *menderu*) или овца и коза (ср. русск. *блеять*, литовск. *mekenti*, англ. *bleat* и др.; заметим, однако, что звуки этих животных могут и противопоставляться, как, например, в немецком, ср. *blöken* <об овце> VS. *meckern* <о козе>). Представление о сходстве задействуется и тогда, когда необходимо обозначить звук какого-л. редкого животного — в этом случае выбирается глагол, характерный для «похожего», но вместе с тем более привычного зверя. Так, лисам и шакалам во многих языках приписывается собачий лай, зебрам — лошадиное ржание.

4.2. Антропоцентричность

Носители иногда затрудняются с наименованием звука редких животных, разные информанты называют разные глаголы: не все представители фауны имеют в языке конвенциональное звукообозначение. Об эффекте своеобразной лингвистической избирательности естественных языков относительно отражения свойств животного мира писала еще А. Вежбицка в книге «Lexicography and Conceptual Analysis» (1985). Согласно А. Вежбицкой, язык антропоцентричен, поэтому в нем лексикализуются только те свойства зверей, которые существенны для человека. Отсюда — «молчание» во многих языках животные, которые на самом деле, конечно, издают какие-то звуки — например, заяц или крот.

Напротив, те существа, с которыми человек чаще всего вступает в контакт, ассоциируются — в соответствии с этим же принципом — не с одним, а сразу с несколькими стандартными звуками. К этому классу животных относятся прежде всего домашние питомцы — собаки и кошки: для них в языках наряду с нейтральным глаголом (ср. русск. *лаять* и *мяука́ть*, англ. *bark* и *mew*, эрзянск.² *uvams* и *m'afksnams* и под.) используются другие, подразумевающие определенное «эмоциональное состояние» животного, ср. глаголы, описывающие жалобные звуки собаки (русск. *скулить*, англ. *yelp*, эрзянск. *urnums/urnams*) или кошки (немецк. *maunzen*), агрессивные реакции собаки (русск. *рычать*, валлийск. *chwyrnu*, татарск. *ырылдау*), звуки, которые издают довольные кошки (русск. *мурлыкать*, эрзянск. *turkijams*, франц. *ronronner*).

Как правило, устойчивый способ обозначения имеется в языках для звуков обитателей скотного двора: коров, коз, овец, свиней, петухов, кур, гусей и под. (здесь надо упомянуть еще и лошадей, которые задействованы не только в домашнем хозяйстве, но и в разных других жизненных сферах). В отдельных случаях их звуки тоже выражаются более чем одним глаголом: тогда «дополнительная» лексема характеризует определенное состояние животного, функционально важное для человека. Так, в молдавском, наряду с нейтральным куриным глаголом *cotcodăci* ‘кудахтать’, имеется специальная лексема *cîrîi*, обозначающая звук, который издает курица, снесшая яйцо (то же в агульском, см. раздел 2.1. Главы 15).

Важную семиотическую функцию имеют и звуки хищных зверей — они предупреждают человека об опасности. В этом смысле закономерно, что во многих языках львы, тигры, волки и медведи тоже «обслуживаются» звуковыми глаголами, ср. русск. *рычать*, *выть* и *реветь*. Примечательно, что иногда разные хищники описываются одной общей

² Здесь и далее, говоря об эрзянском материале, мы приводим данные из диалекта с. Шокша (см. подробнее Главу 10).

предварительные замечания о глаголах звуков животных и их семантике

лексемой (ср., напр., *meraung* в индонезийском — о тиграх, львах и медведях) — хотя, скажем, между медведем и тигром внешнего (и биологического) сходства практически нет. Однако в «функциональном» восприятии человека они близки, поскольку в равной степени представляют для него угрозу. Тем самым антропоцентричный характер языка проявляется не только в отсутствии тех или других конвенциональных звукообозначений, но и в том, как происходит объединение разных звуков в одном глаголе.

Зависимость языковой «освоенности» звуков от интенсивности взаимодействия человека с соответствующим животным хорошо видна и на примере грызунов. Из этой группы люди больше всего сталкиваются с мышами и крысами — и именно для них во многих языках имеется общеизвестный звуковой глагол (ср. русск. *пищать*). Другие же представители этого семейства — скажем, бобры или сурки — в языковом восприятии «молчат»: действительно, для человека их звуки, в отличие от мышинных, нерелевантны.

Наконец, две последние группы объектов животного мира, которые часто получают звуковое описание в языке, образуют насекомые и птицы. Среди насекомых в первую очередь лексикализуются звуки тех, кто неприятен человеку и может нанести ему непосредственный вред (комары, осы и пчелы), остальные могут не получать языкового выражения. Так, носители индонезийского в ходе анкетирования затруднились назвать глаголы, описывающие звуки стрекоз, кузнечиков или мух.

Зона звуков, издаваемых птицами, во многих исследованных языках разработана достаточно подробно: здесь, как правило, противопоставляются крупные и мелкие виды, при этом специфические звукообозначения характерны главным образом для мелких. По-видимому, этот эффект, хорошо видный в типологической перспективе, объясняется тем, что в восприятии человека порождение звука — это основная отличительная особенность мелких птиц (ср. термин «певчие птицы»), так что это «главное» свойство вполне закономерно получает лексическое выражение.

До сих пор речь шла об общих типологических тенденциях в лексикализации звуков животных, которые позволяет выявить наш языковой материал. Но конечно, отдельные языки обнаруживают и индивидуальные особенности, обусловленные культурными традициями и географическим положением. Так, показательно, что в хинди лингвистически «выделенным» оказывается слон: его звуки описываются специальным глаголом *çi'ghāRnā*, калмыцкий же задействует даже два разных предиката для верблюда — *хэркрх* и *буульх*. Географический фактор хорошо прослеживается на примере птиц: «особые голоса» получают те из них, которые распространены в данной местности: в частности, в русском (и многих других европейских языках) собственный звуковой глагол есть у голубя и вороны (ср. *ворковать* и *каркать*), в коми-зырянском — у гагары (*n'uguny*) и т. д.

4.3. Доминантность системы

Особенности того или иного языка проявляются не только на уровне отдельных лексем, но и на уровне устройства семантического поля в целом. Наш материал позволяет говорить о двух типах систем для звуков животных: условно их можно назвать доминантным и дистрибутивным. Более привычным для нас является дистрибутивный тип — он присущ как русскому, так и другим крупным европейским языкам. Такого

рода системы предполагают, что звуковых глаголов в языке довольно много (не менее нескольких десятков), и они более или менее равномерно распределяются между основными животными, с которыми каким-то образом взаимодействует человек: каждый глагол описывает одно или несколько живых существ. Так, в русском собаки лают, кошки мяукают, тигры и львы рычат, вороны каркают и т. д. Напомним, что различные параметры лексикализации поля, а именно — какие животные объединяются в одном глаголе, какие выделяются в отдельную лексему, какие вовсе не ассоциируются с определенным звуком — могут варьироваться, но в принципе разные языки отражают достаточно сходные модели лексического распределения.

Доминантные системы, характерные прежде всего для дальневосточных языков, но в некоторой степени и для кавказских, устроены иначе. Здесь имеется общий глагол со значением ‘издавать звук, кричать’, который применим ко всем или к очень многим животным, ср. *naku* в японском, *jiào* в китайском. Заметим, что в дистрибутивных системах такой доминантной лексики нет: скажем, в русском есть глагол достаточно широкой семантики *кричать*, который может относиться к разным живым существам, ср. о человеке, чайках, осле, выпи и др. Однако он далек от универсальности: ни собака, ни кошка, ни корова, ни волк — вне сказочных контекстов с говорящими животными — не могут описываться глаголом *кричать*.

Таким образом, опасения, высказанные А. Франсуа в François 2008: 179 по поводу размытости семантики обобщающих глаголов типа ‘кричать’, совершенно напрасны: у каждого генерического предиката в любом языке есть свои жесткие ограничения на употребление, определяющие границы его применимости и (ускользающую от внимания Франсуа, обсуждающего только полисемию, но забывающего про синонимию) внутриязыковую конкуренцию генерических предикатов с более частным значением.

В системах типа китайской помимо доминантного глагола всегда есть несколько лексем, соотносящихся со звуками конкретных животных. Их, как правило, мало — в этом смысле можно говорить о «бедности» языков доминантного типа. Иными словами, существует очень ограниченный набор животных, которые в таких системах «получают» свой звуковой глагол — и тем интереснее, кого из живых существ эти языки выделяют подобным образом.

В число таких «избранных» животных, по нашим данным, всегда попадают собаки (ср. китайск. *fèi*, корейск. *cic-ta*, агульск. *ʒamf(a)q'as/ jarHas*), а также, как правило, хищники (китайск. *hǒu* <о льве>, *háo* <о тигре>, корейск. *wulpucic-ta*, *phohyoha-ta* <о льве, медведе, волке и др.>; в японском для собак и хищников используются общие глаголы *hoeru* и *unaru*). Отметим в этой связи и звуки птиц (японск. *saezuru*, корейск. *wucic-ta*, китайск. *míng*) и — чуть реже представленных в нашем материале — лошадей (японск. *inanaku*, адыгейск. *š'əš'ən*). Существенно, однако, что для дальневосточных языков в этот набор не входит домашний скот, что кажется удивительным с точки зрения «правила Вежбицкой», предсказывающего, как мы помним, что у важных для человека животных должны иметься конвенциональные звукообозначения. Можно было бы здесь апеллировать к тому, что исторически на Дальнем Востоке молочное хозяйство не было развито, поэтому коровы и козы и не играли особой роли в жизни населения этого региона. Тем не менее, это не совсем верно: скотину использовали в земледелии, так что, безусловно, она должна была бы занимать важное место в культуре и языке.

предварительные замечания о глаголах звуков животных и их семантике

Аналогичное «нарушение» принципа антропоцентричности обнаруживается и в агульском (один из дагестанских языков). Здесь тоже звуки коровы обычно не описываются специализированным глаголом — в повседневной речи мычание передается общим звуковым предикатом. В принципе, для коров в языке есть специальный идеофон, который в сочетании с так называемым «легким» глаголом (*light verb*) с семантикой ‘делать’ может выступать и в предикативной позиции, однако такая конструкция используется главным образом в метаязыковых контекстах — при рассказе о коровах детям и под. В обычной же речи предпочтение, как было сказано, отдается общему глаголу — несмотря на то, что, по свидетельству носителей, коровы были традиционно широко задействованы у них в хозяйстве.

Не только для коров, но и в других случаях, когда специальная лексема для тех или иных животных в языке отсутствует, их звуки могут описываться общим глаголом. Степень «доминантности» этого глагола варьируется: в частности, в китайском он отличается наибольшей универсальностью — он предпочтителен даже для тех животных, у которых имеются специальные звукообозначения. Напротив, в агульском или адыгейском при наличии специализированных средств выражения чаще выбираются именно они, а не общая звуковая лексема.

Вместе с тем, использование для большинства животных одного и того же глагола совсем не означает, что доминантные языки не имеют возможности лексически противопоставить звуки разных существ. Для этой цели привлекаются идеофоны, которые употребляются в качестве наречия при «легком» глаголе — часто в этой функции выступает как раз доминантный звуковой глагол (по модели ‘кричать му’). Большое разнообразие и широкое распространение таких идеофонных конструкций являются еще одной особенностью рассматриваемых систем.

Эти конструкции могут иметь в языке разный статус, то есть быть более или менее лексикализованными. Так, в агульском для многих животных наблюдается значительная вариативность идеофонного компонента, носители испытывают затруднения при необходимости точно описать определенный звук — в подобных случаях степень лексикализации составных глаголов достаточно низкая. Чем более «освоенным» становится идеофонный глагол в системе языка, тем легче и единообразнее он воспроизводится информантами, но и — что особенно интересно для нашего проекта — тем вероятнее развитие у него переносного значения. В этом смысле показательна корейская система.

Примеры из корейского мы приводили в контексте языков доминантного типа. Но на самом деле корейский образует своего рода промежуточный случай. С одной стороны, здесь имеется глагол достаточно широкой семантики *wul-ta* (он может применяться, например, по отношению ко льву, ежу, соколу, жабе), и к этому глаголу, как и в других доминантных языках, могут добавляться идеофоны, уточняя характер звука (ср. *may.may wul-ta* <о козе>, *ppekkwuk.ppekkwuk wul-ta* <о кукушке>, *kaykwul.kaykwul wul-ta* <о лягушке> и под.). Кроме того, употребляется несколько специализированных лексем для отдельных животных. С другой стороны, корейская система не ограничивается перечисленными предикатами. Наряду с ними имеется еще один — достаточно широкий — лексический пласт: эти глаголы тоже идеофонной природы, однако они образованы не при помощи самостоятельной лексемы *wul-ta*, а посредством суффиксальных формантов *-keli/-tay-*. Такие глаголы (их не менее 25) по своему лингвистическому

поведению похожи на глаголы в дистрибутивных системах: каждый из них описывает звуки одного или небольшой группы животных. Соответственно, в корейском наше поле уже никак нельзя назвать «бедным» — оно существенно расширилось за счет идеофонных дериватов.

Понятно, что по морфологическим критериям идеофоны на *-keli/-tay-* находятся на более поздней стадии лексикализации, чем сочетания с независимым глаголом *wul-ta*. И, по-видимому, именно процесс лексикализации приводит к пополнению класса звуковых глаголов, в результате которого доминантная система может эволюционировать в дистрибутивную.

Но в свете тематики нашего исследования важно еще обратить внимание на то, что морфология оказывается не единственным показателем большей или меньшей степени лексикализованности предиката. Выясняется, что многие глаголы на *-keli/-tay-* имеют переносные значения, тогда как ни одна конструкция с *wul-ta* метафорических употреблений не развивает. Этот пример еще раз доказывает известную теоретическую идею, неоднократно подтверждавшуюся в исследованиях по грамматикализации и Грамматике конструкций, согласно которой изменения обычно происходят параллельно на разных уровнях языковой системы. В данном случае большая морфологическая спаянность глагола повышает его потенциал к семантическим сдвигам. О том, какие значения могут развиваться в результате подобных сдвигов, речь пойдет в следующем разделе.

5. Результирующие значения

Основной производной зоной для глаголов изучаемого семантического поля являются ситуации, связанные с человеком. Причем, как и можно было бы предположить, речь здесь идет в первую очередь о таких ситуациях, которые включают в себя звуковую составляющую — именно акустическое сходство служит основанием метафорического переноса. Иными словами, в результате семантического сдвига действие или состояние человека, сопровождающееся звуками, описывается через глаголы звуков животных.

«Звучание» свойственно разным видам человеческого поведения, однако далеко не все из них моделируются звуками животных. Так, по нашим данным, ни движение (ср. ‘шаркать’), ни воздействие на объект (ср. ‘стучать’) лексемами типа ‘лаять’ или ‘хрюкать’ не выражаются. Напротив, продуктивной зоной-мишенью для исследуемых глаголов выступают все действия, соотносимые с ротовой (реже — носовой) полостью (собственно речь, неречевые реакции — эмоциональные, как смех или плач, или физиологические, как кряхтение или сопение, — а также ситуация еды, ср. ‘чавкать’).

В целом производные значения, относящиеся к человеку, можно разделить на пять классов:

- физиологические звуки (раздел 5.1);
- характеристики голоса (5.2);
- эмоциональные проявления (5.3);
- характеристики речи (5.4);
- семантически нагруженная речь (5.5).

предварительные замечания о глаголах звуков животных и их семантике

В особый класс мы выделяем результаты сдвига, которые не связаны со звуком — или приобретают яркую поведенческую семантику, наряду с переинтерпретацией исходного звукового образа (см. о них в Главе 20).

Остановимся на каждом из классов подробнее: некоторые из них требуют более дробного деления и дополнительных комментариев.

5.1. Физиологические звуки

Как правило, физиологические звуки вызваны какими-то спонтанными внутренними процессами в человеческом теле. Эта область заимствований очень гомогенна и воспроизводится от языка к языку. Кроме того, сам круг результирующих значений не так уж велик: сюда относятся болевые ощущения и некоторые рефлекторные реакции организма.

Отметим в этом ряду, например, кашель и чихание (ср. в валлийском *beichio* ‘реветь’ <о быке> → ‘сильно кашлять’), затрудненное дыхание — сопение, храп, кряхтение (ср. в калмыцком *хорэсннх* ‘хрюкать, мурлыкать’ <о свинье, кошке> → ‘храпеть’ или в коми-пермяцком *узъы мурзыньен* ‘спать с мурлыканьем’ как ‘храпеть’), а также уже упоминавшуюся «шумную» еду — чавкание или прихлебывание (ср. коми-зырянск. *furskyny* ‘фыркать’ <о лошади, кошке> → ‘шумно есть или пить’).

Неприятные и болевые ощущения образуют особый класс производных значений в физиологической зоне. В отличие от большинства рассматриваемых метафор, звук здесь не привязан к ситуациям, в которых задействован рот или нос — звуковые глаголы могут соотноситься с самыми разными частями тела. Кроме того, такой звук может быть не только реальным, т. е. слышимым со стороны (как при урчании в животе после еды или от голода), но и субъективным, существующим только в восприятии экспериенцера (как при боли в голове или ушах).

Описание болевых ощущений через глаголы звука имеет вполне прозрачную когнитивную природу. Части тела при нормальном функционировании не производят никаких звуков, поэтому их «звучание» должно свидетельствовать о каком-то отклонении (Рахилина и др. 2010a, Reznikova et al. 2012). Звуки при этом могут быть разной природы: неодушевленных объектов (ср. русск. *голова трещит, в ушах звенит*), человеческие (ср. грузинск. *kuč'i maginebs* букв. ‘живот на меня ругается’) и — интересующие нас здесь — звуки животных, ср. про «звучание» живота: русск. *в животе урчит*, греческ. ‘мой живот мурлычет / воркует’ (*γοργουπίζω*) или корейское описание этой же ситуации через глаголы ‘кудахтать’ (*kkwululuk.keli/tay-ta*) и ‘хрюкать’ (*kkwul.kkwul.keli-ta*), а также про боль в голове и ушах: немецк. *mein Kopf brummt* букв. ‘моя голова ревет’ (где *brummen* — глагол, описывающий звуки медведя и гудение насекомых) или греческ. ‘звенеть в ушах’ как ‘жужжать’ или ‘гудеть’ <о насекомых> (*βοιίζω* и *βομβίζω*) и др.

Обратим внимание, что важнейшую роль в этой группе ситуаций играют хрюшки как источник метафоры. Речь идет о характерном хрипящем (хрюкающем) звуке, который, как уже было видно по некоторым приведенным примерам, — в силу своей фонетики — легко уподобляется различным физиологическим процессам: в калмыцком он интерпретируется как храп, в английском и эстонском как отрыжка, в болгарском как кряхтение (в том числе и от удовольствия). Досадное исключение представляет русский, в котором все упомянутые ситуации (храп, кряхтение и проч.) лексикализованы,

т. е. каждая выражена своим глаголом, но не с помощью зоометафоры, и глагол *хрюкать* не имеет устойчивого, конвенционального контекста, в котором бы он применялся к людям.

5.2. Характеристики голоса

Во второй класс производных значений попадают метафоры, выражающие характеристики голоса. Через звуки животных могут передаваться такие параметры, как высота голоса, его громкость, а также хриплость, источниками которой часто служат крики «громких» и «хриплых» птиц — прежде всего, ворон и гусей, ср. англ. *croak* и немецк. *krächzen* ‘хрипеть’ (исходно о воронах) или болгарск. *гpача* ‘хрипеть’ (о воронах и гусах).

В основном применение таких метафор означает не описание объективных свойств звука, а их оценочную квалификацию: вполне предсказуемо, что сравнение с животным для человека в большинстве случаев порождает отрицательную оценку. Неприятным может быть, например, **чрезмерно громкий голос**³ (соответствующие глаголы обычно восходят к звукам крупных зверей — рогатого скота или хищников), ср. употребление адыгейского глагола *бэwэп* ‘мычать <о корове>, выть <о волке, собаке>’ в следующем контексте: *wətəbəwə deŋ^we zexesexə* ‘не ори, я и так хорошо слышу’, или французского глагола *beugler* ‘реветь, мычать’ <о быке, буйволе, корове> в примере (1):

(1) французский

On peut voir tous les bateaux sur lesquels les touristes font des fêtes privées et picolent en beuglant tellement qu'on les entend de la plage.

‘Видны все корабли, на которых туристы устраивают частные праздники и выпивают, **крича** (букв. ‘ревя’) так, что их слышно с пляжа’.

В немецком в таких случаях используется глагол *brüllen* ‘реветь’, описывающий в своем прямом значении звуки львов, тигров или быков.

Очень высокий голос тоже может оцениваться негативно, такие употребления развиваются от глаголов, обозначающих писк мышей или птенцов, ср. венгерск. *ne cincogj már!* ‘не говори таким писклявым голосом!’ (исходно *cincog* применяется к мышам и другим мелким животным) или пример (2) из финского (*piipittää* описывает звук мышей, цыплят, птенцов и др.):

(2) финский

Nainen piipittää, että ei edes muista sellaista...

‘Женщина **пищит**, что не помнит ничего такого...’.

Вместе с тем высокий голос может вызывать и приятные эмоции. Примечательно, однако, что источником для этого — положительно окрашенного — значения всегда служит не мышинный писк, а птичье щебетание⁴, так что оценки у переносных значе-

³ По нашим данным, тихий голос обычно склеен либо с ворчанием (см. 5.3), либо с идеей неразборчивости речи и ее безадресности (5.4).

⁴ Щебетание может интерпретироваться не только как характеристика голоса, но и как описание общей ситуации детского или девичьего разговора, см. 5.4.

предварительные замечания о глаголах звуков животных и их семантике

ний естественным образом повторяют отношение к соответствующим живым существам — ср. здесь для контраста другой финский глагол *livertää* ‘петь, щебетать’ <о жаворонках, соловьях и др. певчих птицах>:

- (3) финский
Tyttösten äänet liversivüt kirkkaina.
 ‘Звонко **щебетали** девичьи голоса’.

К метафорам, описывающим различные параметры голоса в процессе речи, тесно примыкают употребления, характеризующие звуки при **пении**. Например, глаголы, которые выражают громкость голоса, зачастую могут применяться и к говорящему, и к поющему человеку. В частности, если предикат присоединяет к себе прямой объект, называющий музыкальное произведение, то речь идет о громком пении — правда, с неизбежной отрицательной оценкой (ср. (1) и франц. *beugler la chanson* ‘орать песню’, букв. «реветь песню»), ср. также (видимо, оценочное) калмыцкое *яңих* ‘заливисто лаять’, которое может иметь переносное значение длительной и громкой речи, в том числе чтения молитв или пения.

Но для пения иногда характерны и специальные метафоры: так, другой калмыцкий глагол, *доңһдх*, обозначающий звуки крупных птиц, имеет в качестве переносного значения как раз пение (ср. пример 34 в Главе 13 со значением ‘Он целыми днями что-то напеваёт’)⁵. Однако, как и следует ожидать, особенно частотна для наших глаголов оценочная метафора фальшивого или — в случае множественного субъекта — нестройного пения. Источником для этих значений выступают, во-первых, протяжные звуки различных животных — завывание волка, скуление собаки, мычание, а во-вторых — громкие прерывистые крики птиц (ворон, гусей и др.), ср. башкирск. *олоу* ‘выть’ <о волке> → ‘фальшиво петь’, коми-зырянск. *vurzoony* ‘выть’ <о волке, собаке> / *n'iuḡuny* ‘кричать’ <о гагаре> → ‘нестройно петь’ <о хоре>⁶.

Завершая обзор метафор, характеризующих те или иные особенности голоса, отметим, что эти параметры часто ассоциируются с определенным эмоциональным состоянием человека. Так, громкость речи может вызывать представление о ее агрессивности, высокий голос — связываться с жалобой и просьбой. Соответственно, головые характеристики и эмоции часто метонимически «склеиваются» в одной лексеме, а контекст может «высвечивать» тот или иной аспект ее семантики.

Тут мы как раз подходим к третьему классу результирующих значений для глаголов звуков животных — эмоциональным проявлениям.

5.3. Эмоциональные проявления

Эту группу можно условно разделить на два подкласса — в зависимости от того, проявляются ли эмоции в вербальной или невербальной форме.

⁵ Другое его значение — сигнал паровоза или парохода, а также звуки некоторых музыкальных инструментов (сигнал горна), см. раздел 7, а также примеры (35) и (36) в Главе 13.

⁶ О напевании мелодии себе под нос см. в разделе 5.4.

К **невербальным** реакциям относятся прежде всего смех и плач.

По нашим данным, в зоне **смеха** звуки животных используются преимущественно для очень громких эмоций. Типологическим частотным источником такой семантики становится ржание лошади (ср. этот переход в русском глаголе *ржать*, а также англ. *neigh*, немецк. *wiehern*, франц. *hennir*, башкирск. *кеиһәү*, коми-зырянск. *gərdlyny* и др.). Распространены в этой области и прерывистые звуки птиц — гусей, куриц, ворон, сорок, ср. русск. *гоготать*, коми-пермяцк. *китинкыны* ‘стрекотать’ <о сороке>, норвежск. *klukke* ‘кудахтать’ <о курице>.

Для плача наблюдается большее разнообразие ситуативных типов, каждый из которых характеризуется своим набором источников в животном мире. Здесь релевантно главным образом два параметра: субъект (его возраст и пол) и причина плача (безысходность, жалоба, желание добиться чего-л. и др.). К часто лексикализуемым ситуациям относятся, например, громкий плач взрослого (обычно — от большого горя или сильной боли) или хныканье капризничающего ребенка. Громкий плач от горя или боли восходит во многих языках к звукам волка (ср. русск. *выть*, валлийск *udo*, индонезийск. *melolong*, корейск. *wulpucic-ta*), источником громкого плача (детского или взрослого) нередко выступает также рев медведя или быка (ср. русск. *реветь*, греческ. *μωυκρίζω* <о быке>, коми-пермяцк. *буксыны* <о быке>). Для детского хныканья, как правило, выбираются другие звуки: скуление собаки или щенка (ср. калмыцк. *эңсх*, греческ. *κλαψουρίζω*), мяуканье кошки или котенка (ср. эрзянск. *m'afksnams*)⁷, писк мыши или жужжание насекомых (корейск. *ing.ing.keli-ta* ‘жужжать’ <о летающих насекомых>, коми-пермяцк. *пиксыны* ‘пищать’ <о комаре, мыши>)⁸.

Интересно, что развитие семантики детского капризного плача демонстрирует, что выбор метафорического источника диктует разное отношение к одной и той же ситуации. Если источником являются звуки собаки или кошки, то переход основан на эмоции, которая приписывается этим животным и переносится на ребенка (действительно, если собака скулит, то в восприятии человека она на что-то жалуется). Если же в исходном значении глагол описывает насекомых и мышей, то семантический сдвиг ориентирован уже не на эмоцию того, кто производит звук, а на ощущения слышащего. Неприязнь, которую вызывает у человека мешающий ему комар, переносится на отрицательное отношение к нытью ребенка.

Вербальные проявления эмоций несколько разнообразнее: в этом случае у человека в голосе или в манере говорить отражается его настроение или отношение к какому-либо событию.

Хорошее расположение духа, одобрение происходящего, удовольствие от общения соотносятся с воркованием голубей и горлиц, ср. пример из сербского:

⁷ Заметим, что мяуканье часто соотносится с хныканьем как надоедливой просьбой, причем не только детской, ср. греческ. *μιαουρίζω* ‘мяукать’ → ‘клянчить, выпрашивать’ (о женщине), а также близкие переносы в норвежском (*mjaue*) ‘мяукать’ и финском (*naukua*).

⁸ Нестандартный источник для метафоры детского плача представлен в калмыцком: здесь плач новорожденного ассоциируется со звуками вороны или лягушки (см. в Главе 13 о синонимичных глаголах *бэркx* и *бээгx* ‘квакать / каркать’).

предварительные замечания о глаголах звуков животных и их семантике

- (4) — *То је истина, истина је!* — **зүкаше** мило баруница Софија.
 ‘— Это правда, правда! — мило и ласково говорила (букв. «ворковала») баронесса София»⁹.

Для многих языков нашей выборки с этими же звуками ассоциируется разговор влюбленной пары и флирт. В целом метафоры воркования образуют семантически достаточно однородную область переносных значений. Исключение на этом фоне составляет агульский, в котором голубиное звуковое поведение соответствует не положительным эмоциям, а тихой человеческой речи и, как следствие, — идее заглазного обсуждения (сплетен) (см. 5.5. ниже, а также раздел 3.2 Главы 15).

Еще одним источником для значения мягкого голоса, отражающего особое расположение субъекта к адресату своей речи, выступает кошачье мурлыканье (ср. русск. *мурлыкать*, немецк. *schnurren*, эрзянск. *turkijams* и др.).

Отрицательные эмоции сквозь призму зоометафор оказываются гораздо разнообразнее положительных: языки различают для недовольства разные степени проявления — ворчание, еле сдерживаемую агрессию, громкое агрессивное поведение — и относят их со звуками разных животных.

Ворчание — это самая слабая степень неодобрения: человек недоволен некоторой ситуацией и выражает это недовольство репликами, которые в принципе не рассчитаны на адресата (отсюда типологически частое совмещение ворчания с идеей неразборчивости речи, см. 5.4). Адресат может слышать эту «внутреннюю» речь, но ни ответа на нее, ни отмены события не предполагается. Источником такой метафоры могут быть звуки медведя (немецк. *brummen*, финск. *murista*), мяуканье недовольной кошки (эрзянск. *turnam*), квохтанье курицы (хинди *kuRkuRānā*) и даже, как в адыгейском, жужжание насекомых (*nənən*).

Ворчание предполагает, скорее, продолжительное выражение недовольства (и вследствие этого может «склеиваться» с семантикой надоедливости, см. 5.5, как, например, в случае только что упомянутого адыгейского глагола *nənən*). Однако неодобрение иногда сводится к короткой (в ряде случаев даже бессловесной) реакции на ситуацию — для этого значения используются глаголы, исходно описывающие фырканье того или иного животного, ср. норвежские синонимичные глаголы *snøfte* и *pruste* ‘фыркать’ <о быке и лошади>, немецк. *fauchen* ‘фыркать’ <о кошке, гусе и лебеде>, а также соответствующий переход в русском:

- (5) — *Подумаешь, дамасский шелк!* — **фыркает** моя соседка Фрида. [Дина Рубина. Окна (2011)]

Сдерживаемая агрессия, обычно выражающаяся в злобном — и при этом тихом — неодобрительном суждении, характерна в первую очередь для женской речи и часто передается в языках змеиным шипением. Такой тип реакции очень распространен; он тоже, как и ворчание, не затрагивает реального хода ситуации и не предполагает ответа,

⁹ Пример из словаря *Речник српскохрватскога књижевног језика «Матица Српска»*, Нови Сад — Загреб, 1967.

ср. адыгейское *лалал*, норвежское *hvese*, финское *sihistä* и мн. др., а также следующий характерный русский пример:

- (6) — *Только по вечерам, когда приползаешь, вусмерть уставшая, к своему подъезду, бабки шипят: «Торгаши проклятые! И когда вы только все передохнете!»* [Максим Милованов. Рынок тщеславия (2000)]

Наконец, **громкое агрессивное поведение** нацелено на то, чтобы ситуацию переломить. Эта реакция наступательна: она предполагает ругань, крик, грубость и другие способы активного возмущения — прототипически такая манера общения ассоциируется с собаками, ср. русск. *облаять*, *рычать*, англ. *bark* ‘лаять’, немецк. *bellen* ‘лаять’, *kläffen* ‘тявкать’, валлийск. *cyfarth* ‘лаять’, *chwyrnu* ‘рычать’, хинди *gurrānā* ‘рычать’, финск. *räksyttää* ‘гавкать’, мокшанск. и эрзянск. *uvams* ‘лаять’ и мн. др. Вполне предсказуемо, что в этой области иногда «действуют» и более крупные звери, ср. в норвежском (*brøle* ‘рычать’ <о льве, тигре и медведе>), финском (*karjua* ‘реветь’ <о медведе или льве>) или корейском (*ululeng.keli-ta* ‘рычать’ <о льве, леопарде, тигре и др.>). Вместе с тем агрессия может соотноситься и с громкими криками птиц, ср. карканье вороны как злая, раздраженная речь в греческом (*κράζω*) (напомним, подобные птичьи звуки и в других метафорических зонах выражают, скорее, отрицательно оцениваемые ситуации, как фальшивое пение или хриплость голоса).

В особый класс выделяются реакции больших групп людей — множественных субъектов — здесь обычно одобрение и неодобрение неотличимы в том смысле, что отображаются одним и тем же глаголом. Прежде всего это касается громкого поведения толпы: восторженные приветствия и агрессивное недовольство (как, например, на футбольном матче, когда забили или пропустили гол) часто описываются общей зоометафорой, которая восходит, как правило, к быкам, львам, тиграм и медведям, ср. английск. *roar* или русск. *реветь*.

В то же время в отдельных случаях производные значения «специализируются» на одном типе реакции. Так, одобрение как покорное единодушное поддакивание может сопоставляться с бляением коз или овец, ср. глагол *mengembik* в индонезийском. Среди отрицательных коллективных реакций отдельное лексическое выражение часто получает ситуация осуждения оратора или представления, что-то вроде *шиканья* и *освистывания*: в русском она не соотносится со звуками животных, но в других языках «прообразами» такого человеческого поведения могут становиться змеи (ср. англ. *hiss*). Ничего хорошего не предвещает и реакция толпы, уподобляемая звучанию роя насекомых, ср. *гудеть* в русском¹⁰:

- (7) *Поэтому, едва градоначальник разинул рот, чтоб предложить второй вопросный пункт, как толпа загудела — Что ты с ним балы-то точишь! Он в бога не верит! Тогда Грустилов в ужасе разорвал на себе вицмундир.* [М. Е. Салтыков-Щедрин. История одного города (1869–1870)]

¹⁰ Иную интерпретацию гудения — как эффект от разговора большой группы людей — мы рассмотрим в следующем разделе.

5.4. Характеристики речи

Человеческая речь сближается со звуками животных, когда она неразборчива — кажется ли она такой потому, что слишком медленная (от неуверенности), или слишком тихая (бормотанье себе под нос), или слишком быстрая (если тараторят без умолку), или оттого, что говорит много людей сразу. Каждый такой подкласс соотносится со своей группой животных.

Медленная и неуверенная речь как зоометафора встречается часто и, как правило, уподобляется мычанию и / или бляению, ср. в греческом (*βελάζω* ‘бляеть’), русском (*мычать, бляеть, мекать*), эрзянском (*mekijams* ‘мекать’), коми-зырянском (*buksynu* ‘мычать’) и др. Прототипической ситуацией здесь служит речь человека, не знающего, что сказать (ср. неуверенный ответ на экзамене), но так же может восприниматься и замедленная речь пьяного, ср. в эрзянском тот же глагол *mekijams*.

Иначе «слышится» **тихая, ни к кому не адресованная речь** — бормотание себе под нос с нечеткой артикуляцией, ср. русские глаголы *бормотать* и *бубнить* (не восходящие к зоометафоре) — и примерно в том же значении семантически производный греческий *χλιινδρίζω*, который в прямом употреблении описывает звуки лошади, ср. также коми-пермяцкий *мурзыны* (исходно — о мурлычущей кошке) или валлийский *clwecian* ‘квохтать’ <о курице>, переносно выражающий неразборчивую тихую речь женщины.

Бормотание иногда совмещается с идеей тихого пения, не предназначенного для стороннего слушателя, ср. такую комбинацию значений у лексемы *gungunānā* в хинди, изначально «специализирующейся» на звуках голубей и насекомых. Глаголы жужжания насекомых — видимо, в силу акустической близости — вообще регулярно развивают семантику тихого пения, прежде всего напевания мелодии без слов, ср. англ. *buzz*, немецк. *summen* или французск. *bourdonner*.

Слишком быстрая речь, подразумевающая безостановочную болтовню, приписывается, конечно, в первую очередь женщинам — и соотносится обычно с криками домашних птиц или других представителей фауны с резкими голосами, ср. немецк. *schnattern* ‘крякать, гоготать’ <утки, гуси>, коми-зырянск. *vatškynu* ‘трещать’ <сороки>, финск. *säksättää* ‘трещать’ <сороки, белки>. Тараторить может и ребенок — однако его быстрая речь уподобляется, скорее, щебету мелких птиц (ср. *cicekwi-ta* в корейском).

Очевидно, что разные источники сопряжены с различной оценкой ситуации¹¹. Так, приятные звуки певчих птиц переносятся на милое детское лопотание (показательно, что «детские» глаголы, как упомянутый корейский *cicekwi-ta*, иногда распространяются и на быструю речь юных беззаботных девушек, которая тоже обычно вызывает положительные эмоции). Между тем, болтовня женщины в возрасте, вряд ли способная нравиться окружающим, передается неблагозвучными криками уток, сорок и под.

¹¹ Напомним, что аналогичный эффект мы уже наблюдали в зоне метафор высокого голоса, которые, кстати, в силу сходства субъектов — там тоже речь шла о женщинах и детях — часто «склеиваются» с обсуждаемой здесь семантикой быстрой неразборчивой речи. Действительно, определенные свойства голоса и речи часто просто дополняют друг друга: один и тот же глагол может описывать одновременно разные аспекты коммуникативной ситуации — в данном случае и высоту голоса говорящего, и темп и понятность его речи.

Быстрая речь одного человека — женщины или ребенка — со стороны очень похожа на общение **множества людей** — соответственно, женщин или детей, — когда они говорят одновременно, перебивая друг друга. В сущности, две ситуации акустически почти неотличимы: раздается настолько быстрый поток слов (произнесенных одним человеком или разными), что невозможно уловить содержание сказанного. На языковом уровне эта близость ситуаций проявляется в общности метафорических источников: множественный разговор, как и болтовня единичного субъекта, возводится к домашним или мелким птицам. Так, в агульском громкие женские пересуды характеризуются составным глаголом *q:aq:ra jarHas* ‘кудахтать’, а в греческом для множества детских голосов, перекрикивающих друг друга, используется лексема *τιγβίζω* ‘щебетать’. Правда, в этой зоне встречаются и некоторые более редкие модели переходов: например, в том же греческом разговор женщин, отрицательно оцениваемый говорящим, передается как кошачье мяуканье (*viaοριζω*).

Интересно, что группы женщин и детей, как видно из нашего материала, нередко наделяются особым зооморфным «звучанием». Между тем, специальной метафоры, выделяющей мужские компании, нет — однако большие собрания людей, которые что-то обсуждают (особенно в гулком помещении), соотносятся, скорее, именно с людьми мужского пола. В этой ситуации люди обычно уподоблены рою насекомых¹² (ср. русск. *гудеть*, англ. *buzz*, франц. *bourdonner*): со стороны слышен низкий звук — гул, и невозможно представить, чтобы среди собравшихся были одни женщины.

5.5. Семантически нагруженная речь

До сих пор мы говорили только о метафорическом моделировании внешних характеристик человеческой речи (тембра, эмоций, скорости речи, пола и возраста говорящего, множественности говорящих и под.) — посредством звуков, которые издают животные. Все рассмотренные классы практически не затрагивали содержание — и в принципе, мы могли бы ожидать, что никаких содержательных черт звуки животных и не будут отражать, поскольку сами по себе они не несут никакой смысловой нагрузки. Тем не менее, есть несколько ярких поведенческих и одновременно речевых концептов, которые оказываются во многих языках настолько связанными с животными, что для их описания носители регулярно используют соответствующие «животные» глаголы. К ним относятся прежде всего сплетни, хвастовство, надоедливое повторение и неуемные глупости.

Сплетни — сугубо женское занятие, и для его концептуализации в основном используются звуки сугубо «женских» животных. Многие из них уже встречались нам в этом качестве, характеризуя другие аспекты женской речи — либо ее чрезмерную скорость и, как следствие, неизбежную многословность, либо агрессивный настрой. Более того, по-видимому, именно чрезмерная разговорчивость, с одной стороны,

¹² Толпа уподобляется рою не только в ситуации, когда много людей разговаривают одновременно: как мы уже писали, подобные звуки могут служить сигналом недовольства собравшихся, см. об этой метафоре в разделе 5.3.

предварительные замечания о глаголах звуков животных и их семантике

и злость — с другой, часто служат промежуточными этапами той семантической эволюции, которая приводит к идее сплетничания¹³. Соответственно, сплетни могут ассоциироваться с двумя классами источников: во-первых, это крики различных птиц, например, куриц (греческ. *какари́ζω*, коми-пермяцк. *худа́кчитны*), сорок (башкирск. *шыһылдау*) или мелких пернатых (индонезийск. *mengocoh*), а также лягушачье кваканье (идиш *kvaken*) — в этом случае сплетни подразумевают болтливость. Во-вторых, среди источников встречаются агрессивные звуки, связывающие сплетни со злословием, ср. шипение змеи в адыгейском (*лэлэл*) или собачий лай в корейском¹⁴ (ср. *sic-ta* ‘шумно и грубо рассказывать что-либо, сплетничая’).

Хвастовство как особый и довольно характерный вид речевого поведения, по нашим данным, устойчиво связывается с пегушиным кукареканьем, ср. в агульском (*ʔi-ʔi jarHas*), коми-пермяцком (*кутсасьны*), валлийском (*clochdar*) или норвежском (*gale*).

Надоедливая речь, обычно состоящая из многократных повторений одного и того же, в восприятии адресата подобна поведению преследующих человека насекомых¹⁵ и поэтому часто передается соответствующими звуками, ср. русский глагол *зудеть* (о комарах), коми-зырянский *зуугуу*, адыгейский *пәпәп*. Среди других источников для семантики повторения, заикливания на одном утверждении встречаются птицы, как в индонезийском *berkicau* ‘щебетать’, и козы или овцы, ср. здесь опять же индонезийский глагол *mengembik* ‘блеять’, ср. также семантически довольно близкий концепт ‘придираться’, который в немецком имеет источником блеющую козу (*meckern*), наследуя его итеративность.

Последний класс — **неуместное речевое поведение**, ср. реплика, произнесенная в неподходящий момент, или высказывание, оцениваемое другими участниками ситуации как глупость или бессмыслица. По-видимому, это значение должно развиваться от животных, которые считаются в данной культуре крайне бестолковыми. По нашим данным, к числу таких животных могут относиться овцы и козы (армянск. *тәк’әк’ал* ‘блеять’, финск. *mäkättää* с тем же значением), лягушки и жабы (норвежск. *kvekke* ‘квакать’, индонезийск. *meleter* ‘квакать/крякать’), а также различные птицы (индонезийск. *berkaok-[kaok]* ‘каркать’, *bercuap, bercuit, berkicau* ‘чирикать, щебетать, пищать’, агульск. *laq’-laq’ (a)q’as* ‘издавать звуки’ <о цапле>). Для выражения описываемой семантики эти глаголы часто выступают в составе прохибитивных конструкций (ср. агульск. *laq’-laq’ ma-q’a* ‘не болтай!’, букв. «не издавая звуки цапли») или синонимичных им вопросительных оборотов, указывающих на неуместность речи собеседника (ср. армянск. *Ի՞նչ է՞ս տե՞քեքս?* ‘Что ты говоришь ерунду?’, букв. «что ты блеешь?»).

¹³ Особый случай в этом отношении представляют данные агульского языка: здесь идея обсуждения сплетен, по-видимому, производна от семантики тихого разговора.

¹⁴ Заметим, что корейский глагол *sic-ta* в исходном употреблении описывает не только лай, но и крики ворон и сорок, однако его переносное значение возводится именно к идее лая, см. Главу 17.

¹⁵ Надоедливими могут казаться и другие типы человеческого поведения, уже обсуждавшиеся ранее, в частности, разные виды эмоциональных проявлений, как хныканье ребенка или бесконечное ворчание (см. 5.3) — неудивительно, что они тоже нередко передаются через жужжание насекомых.

6. База данных

В разделе 5 мы рассмотрели параметры, которые, исходя из наших данных, следует признать типологически релевантными для формирования семантического сдвига из поля звуков животных в поле звуков человека.

Подробнее языковой материал, обсуждавшийся в нашем Введении, представлен в главах основной части монографии, а также в Базе данных, созданной в рамках работы над проектом. База данных была спроектирована в двух форматах, принципиально различных по замыслу и архитектуре. Обе получившиеся в итоге системы находятся в свободном доступе в сети Интернет.

Первый вариант базы данных¹⁶ реализует традиционную табличную форму представления материала с возможностью поиска по ряду важных для исследователя полей. Каждая запись соответствует примеру употребления глагола, который снабжается следующей информацией: из какого языка взят этот пример, какова начальная форма использованного глагола, для обозначения звука какого животного этот глагол характерен (наименование животного приводится и на языке примера, и в русском переводе), даются русскоязычные переводные эквиваленты глагола в исходном значении, а также сведения о его метафорическом употреблении (метафорический класс результирующего значения, его толкование, пример его реализации). Для большинства примеров также указаны конструкции, в составе которых глагол выступает в своем прямом и переносном употреблении.

Интерфейс базы позволяет поиск по следующим полям (возможен поиск по комбинации полей): язык, русское название животного, русский переводной эквивалент глагола, класс метафоры, слово в переводе примера. Возможен также показ всех записей базы на одном экране в виде простой таблицы.

Второй вариант базы данных¹⁷ представляет более изысканный и в какой-то мере экспериментальный способ подачи того же самого материала. Хотя интерфейс включает в себя и классический табличный вид, прежде всего база ориентирована на специфический сетевой (графовый) принцип отражения связей между элементами и построена на платформе специализированной графовой базы данных Neo4j.

В сети, которая показывается по запросу пользователя, узлом является информационный элемент, т. е. животное, глагол или тип метафорического значения. Узлы имеют цветное маркирование, облегчающее пользователю обращение с выданной информацией.

Поскольку граф прежде всего отражает связи между элементами, такая форма подачи материала лучше всего подходит для представления отношений. Например, сеть по запросу пользователя выдает информацию о наличии или отсутствии в каком-либо языке глагола, который совмещал бы звуки заданных в запросе животных или звуки выбранного животного и определенного метафорического значения.

Например, результаты по запросу <животное> с неспецифицированными полями «язык» и «тег» (тип перехода) будут представлены следующим образом. Пользователю

¹⁶ <http://nevmenandr.net/cgi-bin/zvukimu.py>

¹⁷ <http://web-corpora.net/zvukimu/>

предварительные замечания о глаголах звуков животных и их семантике

будет показан связанный ненаправленный граф, центральным узлом которого выступит искомое животное, а ближайшими его узлами-соседями станут случаи вхождения в базе глаголов, обозначающих звук этого животного в некотором языке. При этом соседи центрального узла не будут связаны между собой ребрами. Наведение указателя на один из этих узлов вызовет всплывающую подсказку, которая позволит определить, какой язык обозначается этим узлом, и увидеть сам глагол в записи на этом языке или в транслитерации. В случае, если у этого глагола есть метафорические переносы, то при нем будет еще один сосед. Если переносов нет, то единственным соседом глагольного узла будет центральный. Узлы, обозначающие метафоры, также снабжены всплывающими подсказками, репрезентирующими тип переноса. Если у нескольких глаголов (в одном или в разных языках) тип переноса совпадает, то все они будут связаны ребрами с одним узлом переноса. Это позволяет сразу найти и визуально отобразить сходные модели семантических переходов для разных языков.

Запрос <животное> и <тег> (тип переноса) также покажет пользователю связанный граф, по структуре напоминающий предыдущий, но отбрасывающий такие узлы, у которых единственным соседом является центральный узел (животное).

Наконец, запрос, в котором будет специфицирован язык, но не указано содержание других полей, выведет на экран несвязанный граф более сложной структуры. В нем соседями также будут узлы, репрезентирующие животных и глаголы. При этом в случае, если один глагол характеризует нескольких животных (например, волка и медведя в корейском), соответствующие узлы также будут связаны ребрами между собой. В то же время узлы, представляющие разных животных, никогда не будут соседями в отношении друг друга.

Еще одной особенностью базы является то, что пустой поисковый запрос не приводит к отказу в обслуживании и сообщению об ошибке — в этом случае на экран выводится вся сложно организованная сеть, отражающая связи между животными, глаголами и типами метафор в нашей выборке. Это панорамное представление материала — благодаря семантически обусловленному размеру узла (он соответствует количеству найденных примеров) — мгновенно показывает пользователю тех животных, которые чаще других встречаются в наших данных (собака, корова, кошка, птица и т. д.).

7. Вместо заключения

Основную часть книги составляет материал свыше двадцати языков, подтверждающий сказанное в этой вводной главе. Он собран и систематизирован с участием носителей и экспертов. В основном авторы глав придерживались рекомендованного им плана: для каждого языка сначала давался краткий обзор глагольной подсистемы звуков животных, включая случаи совмещения, а потом рассматривались возможности их семантических переходов в зону звуков человека. Теоретическая интерпретация этих переходов дается в Главе 20.

За пределами нашей монографии остались две проблемы, которые мы затронули лишь в слабой степени, — их обсуждение мы вынесли в приложение.

Первая проблема — это пути исторического развития наших глаголов. Она нетривиальна, потому что звукоизобразительность лишает этимологические исследования настоящей почвы. Тем не менее уже на китайском материале (Глава 18) видно, что эта проблема и интересна, и актуальна. Некоторые самые начальные наблюдения по этому поводу на славянском материале сделаны Ириной Кор Шаин и Марией Кюсеовой в Главе 21.

Вторая проблема — это связь звуков животных со звуками, не имеющими отношения к человеку, — то есть со звучанием природных объектов и артефактов. Это вопрос настолько естественный, что почти все авторы в той или иной степени обсуждали его в своих исследованиях.

Из природных явлений зоометафоры, как правило, затрагивают звуки **ветра** и **воды** (моря, ручья), причем похоже, что одушевление этих стихий часто происходит именно благодаря их соотносению с животными. Так, звук бушующего ветра (иногда и шторма) регулярно передается как вой волка или лай / скуление собаки (ср. русск. *выть*: *ветер воет*, и аналогично в английском *howl*, эрзянском *uvams*, финском *ulvoa*, адыгейском *bəwən*), в качестве источников здесь также встречаются рычание хищников (индонезийск. *menderu*, корейск. *wulpucic-ta*, китайск. *hōu*) и ослиный крик (валлийск. *nadu*). Более спокойный и тихий ветер может соотноситься со звуками змей (сербск. *suktami* ‘шипеть’ → ‘свистеть’ <о ветре>) или насекомых (ср. в корейском *wayng.wayng.keli-ta* ‘жужжать’ → ‘гудеть’ <о ветре>, в валлийском пчелиное жужжание — *suo* — и вовсе переносится на легкий шелест ветерка в траве). Любопытный пример перехода представляют зоометафоры, описывающие журчание ручья: источником для них служат птенцы в корейском (*caycal-keli/tay-ta*), жуки в коми-пермяцком (*жуужгыны*), свиньи и кошки в калмыцком (*хоржѣнх*).

В зоне **артефактов** разнообразия существено больше. Главная метафора в этой области — звуки приборов и машин с работающим мотором. Они восходят, как правило, либо к звукам насекомых, ср. *жуужжать* или *гудеть* (как рой пчел) в русском, *pung.pung.keli-ta* ‘жужжать’ <о большом летающем насекомом> в корейском, *pöristä* ‘громко жужжать’ <о пчеле и др.> и *surista* ‘жужжать’ <о мухе> в финском), либо к мурлыканью довольной кошки (немецк. *schnurren*, финск. *kehrätä* и *hyristä*). Более громкий звук — как, например, в случае гоночной или резко стартующей машины / мотоцикла, самолета и др. — ассоциируется с крупными животными, ср. немецк. *heulen* ‘выть’ <о волке, собаке>, греческ. *μουγκρίζω* ‘мычать’, валлийск. *rhuo* ‘реветь’ <о быке, льве>, финск. *mylviä* ‘реветь’ <о быке>.

Часто зооморфный звук свидетельствует о возникшей в устройстве или механизме поломке или его плохом функционировании: такое значение обычно выражают прерывистые звуки различных животных, ср. русск. *квакать* (о радио), сербский *роктати* ‘хрюкать’ (о тархтящем моторе), финск. *sirritää* ‘стрекотать’ (о неисправных бытовых приборах). Но неоднородный звук может описывать и приборы, работа которых сопряжена с дробными звуками, например, ткацкий станок или швейную машинку, ср. русск. *стрекотать*, в котором сорока совмещается с кузнечиком, или финск. *säkstättää* (сорока совмещается с белкой). Высокий звук электронных приборов — телефона, компьютера и др. — передается писком мышей, птенцов и под. (русск. *пищать*, корейск. *ccik.ccik.keli-ta*).

предварительные замечания о глаголах звуков животных и их семантике

Другая характерная зооморфная метафора — это условные сигналы, как, например, звук сирены, ср. калмыцкий глагол *доңһоx*, исходно обозначающий крики крупных птиц, но также сигнал трубы или парохода, калмыцкий же *бээгх* ‘квакать, каркать’, переходящий на сигнал автомобиля, сербский *арлаукати* ‘выть’ <о волке, собаке>, указывающий на громкий звук сирены.

Скуление собак может переноситься на скрипучие двери (финск. *vinkua*) и плохо звучащие музыкальные инструменты (ср. *kkayng.kkayng.keli-ta* о скрипке в корейском). К другим характерным артефактным звукам, иногда описываемым через звуки животных, относится свист пухля: он возводится или к жужжанию насекомых, ср. сербск. *зужати*, армянск. *дэ’э’ал* и аналогичную метафору в русском, или к шипению змеи, ср. корейск. *swik.swik.keli-ta*. Судя по совпадающему набору зооморфных источников, акустически близкими к свисту пухля представляются звуки кипящего чайника (тот же корейский глагол со значением шипения) и бурление нагретой воды (хинди *gungunānā* ‘жужжать, ворковать’ <о насекомых, голубях>), а также шум масла на сковороде (ср. русск. *шипеть*).

Семантические переходы, связанные с артефактами, слишком разнородны, они нуждаются в дополнительной систематизации, которая должна опираться на классификацию звуков артефактов в целом, причем типологическую. Эта задача выходит за рамки нашей монографии — но поставлена в Главе 22 («От трелей соловья — к шелесту, скрипу и грохотанью»): в ней рассматривается материал пяти разноструктурных языков — русского, немецкого, французского, хантыйского и коми-зырянского — она помещена в Приложение, потому что основной задачей монографии мы считаем исследование связей между звуками животных и звуковым и незвуковым поведением человека в языках мира. К обсуждению этой проблематики мы и приступаем.